

Сы Шоу и Сы Инь поначалу старались держаться от матери на таком расстоянии, чтобы прохожие не заподозрили, что они семья, но позже... Разве изящные манеры матери были чем-то вроде операционной системы, которую можно переключать?

— Сяо Шоу, Сяо Инь, идите скорее, посмотрите на эту сахарную фигурку, какая красивая...

Громкий голос, смешанный со странным диалектом, который она с трудом подтягивала до путунхуа...

«Мама, разве ты, коренная жительница, никогда не видела сахарных фигурок? Я помню, ты умеешь говорить на путунхуа? Ты точно моя мама? Неужели подделка? Можно уже домой? Не надо ли праздновать? Брат/младший брат, пошли домой?»

В голове роились бесконечные вопросы, центром которых была шапка с тигриной головой.

После утренних хлопот группа по закупкам, наконец, вернулась домой под предлогом того, что у матери закончились силы.

Шумный Новый год прошёл под знаком шапок с тигриными головами, которые братья носили на протяжении всего праздника. В первый день Нового года Сы Шоу подарил Сы Иню замок долголетия, не настаивая на том, чтобы тот его носил, а просто пожелав младшему брату мира и удачи в новом году. Сы Инь помнил этот замок: в прошлой жизни друг Сы Шоу, Лян Вань, случайно упомянул, что замок был получен Сы Шоу после молитв в известном горном храме, где тот преклонил колени на каждом шагу. Тогда это показалось Сы Иню суеверной и бессмысленной затеей, но теперь он понимал, что это был тихий и самоотверженный жест брата. Тот же друг рассказал, что Сы Шоу пропустил занятия ради этого, выбрав благоприятный день по буддийскому календарю, и не только провёл весь день на коленях, но и был наказан отцом по семейным правилам за прогул. Сы Инь в этой жизни забыл об этом, но, увидев замок, внезапно вспомнил. Раньше он не замечал ничего странного, но теперь было уже поздно предотвратить наказание брата. Неожиданность ситуации оставила Сы Иню мало вариантов для подарка. В прошлой жизни он умел только рисовать, поэтому он схватил Сы Шоу и нарисовал его портрет, который в итоге повесил в своей спальне... Мать выразила сильное недовольство, заявив, что Сы Инь предвзят, раз нарисовал только Сы Шоу. Отец, хотя и промолчал, часто поглядывал на красный конверт, который он подарил Сы Иню, словно хотел забрать его обратно...

Тихая комната, только старинные часы в форме совы тикали в углу. Горячий чай, который ещё утром дымился, давно остыл. В комнате была лишь одна маленькая фигура, стоящая на коленях на полу, намеренно избегая толстого ковра в рабочей зоне и выбирая холодный и твёрдый пол.

Сы Инь стоял на коленях с утра и сейчас уже была глубокая ночь. Те, кто знал семью Сы, понимали, что в их доме существовали семейные наказания. Когда отец воспитывал Сы Шоу, он часто прибегал к ругани и даже побоям, что было обычным делом. Но с младшим сыном он ни разу не поднял руку, и, к счастью, Сы Шоу тоже всегда баловал брата, иначе мог бы и завидовать. Поэтому то, что Сы Иня заставили стоять на коленях так долго, было крайне необычным.

Причина была проста — сам Сы Инь вызвал это. Он специально выбрал время после праздников, когда мать уехала в путешествие, уговорив её взять с собой брата, и остался наедине с отцом, чтобы попросить его отправить его на тренировку Байсюнь — секретную организацию семьи Сы.

Байсюнь была группой, которую можно было назвать отрядом смертников, тайно содержащимся семьей Сы. Название произошло от фамилии жены первого главы семьи, которая занималась разведкой и погибла при исполнении обязанностей. В память о ней организация была названа Байсюнь.

Сы Инь просил отца позволить ему пройти тренировку по стандартам лидера Байсюнь. Отец, естественно, был категорически против. Во-первых, даже для таких тренированных людей, как Сы Шоу, это было смертельно опасно, не говоря уже о болезненном Сы Ине, для которого это было равносильно самоубийству. Во-вторых, отец уже несколько дней подозревал, что с Сы Инем что-то не так: внезапный талант к рисованию и знание о существовании Байсюнь, о котором он никогда не говорил. Неужели его милый сын был подменён? Отец хмурился, внутренне возмущаясь.

— Ты понимаешь, что говоришь? Сколько ты знаешь о Байсюнь?

— Я не знаю, но я хочу это сделать.

— Ты ещё ребёнок, но ты должен отвечать за свои слова. Тренировка в Байсюнь — это не летний лагерь. Ты думал о своём здоровье? О том, насколько это опасно? Что будет с твоей матерью, если с тобой что-то случится?

— Мама, вы и брат, — Сы Инь выпалил, не подумав.

Отец, и так сдерживавший гнев, услышав это, вскочил со стула, подошёл к сыну и шлёпнул его... Хотя, подняв руку, он сразу пожалел и не ударил сильно.

— На колени! — приказал он тихо.

Сы Инь до этого дня никогда не подвергался наказанию от родителей или брата, и внезапный гнев отца ошеломил его. Он сразу же опустился на колени. Отец легонько пнул его ногой.

— Твой брат всегда наказуется в комнате для наказаний, но тебе туда не нужно. И не смей становиться на ковёр, иди в угол и стой там.

Сы Инь поднялся и, дойдя до угла, снова опустился на колени.

— Сы Инь, отец всегда считал, что хотя я, твоя мама и Сы Шоу баловали тебя, ты был разумным ребёнком, который мог это вынести. Но, похоже, я ошибался. Я не знаю, откуда ты узнал о Байсюнь, какова твоя цель стать их лидером, и откуда у тебя внезапно появился талант к рисованию? Твои последние изменения удивляют меня. Но больше всего меня злит то, что ты не понимаешь, насколько это серьёзно. Ты действительно знаешь, что такое Байсюнь? Если с тобой что-то случится, что будет с нашей семьей? Подумай об этом. Встанешь, когда поймёшь.

Отец, говоря это, почувствовал разочарование и вышел из комнаты.

На самом деле Сы Инь всё обдумал ещё в больнице. Последние дни, благодаря праздникам, он немного расслабился, хотя ночью всё ещё просыпался от кошмаров. Но, живя в комнате рядом с братом, он иногда, проснувшись, мог успокоиться, прислонившись к стене. Сегодня он специально отправил мать и брата подальше, но, расслабившись, сказал что-то неосторожное, что и разозлило отца.

Сы Инь понимал, что разозлило отца. Его слова «Вы и мама, и брат» исключили его самого, словно он не считал себя частью семьи, не учитывая заботу родителей и брата. Но правда была

в том, что с момента своего перерождения Сы Инь считал себя в положении искупления, даже не чувствуя себя вправе называть их «папа, мама, брат». Или, скорее, он просто не ценил свою жизнь, и поэтому, расслабившись, сказал правду.

Отец сказал, что он может встать, когда поймёт. Судя по времени, Сы Инь стоял на коленях уже около 17 часов. Он всё понял, но это не значит, что его колени не болели. Наоборот, он уже едва держался. Ослабленное после операции тело, долгое время без еды и воды вызывали у него головокружение, губы посинели, а тело начало дрожать. Он не вставал, потому что хотел найти другой способ поговорить с отцом. Стать лидером Байсюнь было необходимо, и он был готов пожертвовать как своим здоровьем, так и возможностью наслаждаться семейной любовью. Не из-за каприза, а потому что он не считал себя достойным.

Отец ушел будто на край света...

Нет, неверно.

Отец провёл день в семейном зале и вернулся домой только на следующий день... Сы Инь всё ещё стоял на коленях в кабинете...

Отец был и раздражён, и озадачен. Младший сын всегда был равнодушен ко всему, и хотя после выписки из больницы в нём произошли некоторые изменения, он не был настолько упрямым. Неужели он обиделся из-за первого наказания? Хм, я тоже обижен.

Сы Инь стоял на коленях уже сутки, и его тело было на пределе. Без еды, воды и лекарств он чувствовал, как сердце бьётся у него в ушах, отсчитывая каждый удар пульса. Колени, которые сначала болели невыносимо, теперь онемели и стали жесткими. Он чувствовал, что вот-вот упадёт.

Сы Юнь вошёл в комнату и, увидев шатающуюся фигуру в углу, почувствовал острую боль в сердце, но сдержался.

— Понял?

<http://bllate.org/book/16566/1512577>